

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-3-242-250

© К. Л. Филимонова (Эстония)

ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ ЛАГЕРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: НЕИЗВЕСТНАЯ РЕЦЕНЗИЯ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

В записных книжках¹ Варлама Шаламова 1971 года есть короткая заметка: «Мои отношения с „Новым миром“ ухудшились после того, как я рекомендовал большую повесть автора — заключенного врача, но напечатана она не была (1966 год?)».² Шаламов не уточнил, что это была за повесть и почему он рекомендовал ее «Новому миру». Никаких других деталей этого сюжета в его записях нет. В 1970-е годы он почти не вспоминал и о своих взаимоотношениях с самим журналом, где работал внештатным рецензентом.

В «Новом мире» Шаламов неоднократно рецензировал рукописи непрофессиональных авторов, так называемый «самотек» на лагерную тему, так как в силу своего опыта считался специалистом в ней. После публикации рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в 1962 году³ таких рукописей в редакцию поступало много — как от авторов, имевших лагерный опыт, так и от тех, кто никогда не был репрессирован. В большинстве случаев они отправлялись на имя главного редактора — А. Т. Твардовского, но непосредственно к нему не попадали: после рецензирования авторы получали отказ, подписанный редактором. Иногда авторы просили передать свои тексты самому Солженицыну, считая, что именно он может оценить их по достоинству.

Кроме рассказов Солженицына и мемуаров генерала Горбатова⁴ «Новый мир» в этот период не опубликовал ни одного «лагерного» произведения самого Шаламова. Чаще всего мотивацией отказа служило то, что тема лагеря уже исчерпана Солженицыным. Художественная ценность произведений в данном случае не имела значения: тема была заведомо «непроходной». Авторам приемлемых с литературной точки зрения рукописей предлагалось оставить их в мемуарном фонде, тексты низкого качества возвращались.

Среди рецензий на лагерные рукописи, раскритикованные и отвергнутые Шаламовым, в архиве «Нового мира» находится одна положительная, в которой он рекомендовал к публикации рукопись А. П. Чигарина «Всюду жизнь».

Информации об авторе в архиве журнала практически нет — из сопроводительного письма на имя Твардовского можно узнать только то, что Александр Петрович Чигарин жил в Казани и считал эту повесть своим гражданским долгом:⁵

«Глубокоуважаемый Александр Трифонович!

Одновременно с письмом посылаю заказную бандероль с моей работой — повестью „Всюду жизнь“. Обращаюсь с нею к Вам с чувством глубокого доверия и уважения. Вы своими произведениями высокого гражданского долга перед Родиной, Партией, располагаете к тому, что от Вас можно ожидать строгое принципиальное суждение о моей работе. Писал я ее с досадной болью за наш великий советский народ, вынесший тяжелую ношу периода культа личности, в то же время с гордостью за восстановленную честь Родины, ее Партии на XX съезде.

¹ Так в Собрании сочинений Шаламова квалифицированы школьные тетради, в которых он делал записи, часто не датированные, отрывочные, с незаконченными фразами. Черновики стихов, рассказов и эссе перемежаются в них записями автобиографического характера.

² Шаламов В. Т. Собр. соч.: В 7 т. М., 2013. Т. 6. Переписка. С. 317. В 1966 году Шаламов уже не работал в «Новом мире», эпизод, о котором идет речь, относится к 1964 году.

³ Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича // Новый мир. 1962. № 11. С. 8–74.

⁴ Горбатов А. В. Годы и войны (Страницы воспоминаний) // Новый мир. 1964. № 3. С. 133–157; № 4. С. 99–139; № 5. С. 106–154.

⁵ Об этом Чигарин сообщил в сопроводительном письме.

Жду Вашего беспристрастного суда моей работы. Если она ни в коей мере не умаляет достоинство Родины, Партии и советских людей, напечатайте в редактируемом Вами журнале. Описал в своей работе только чистую правду опыта моей жизни. Гражданский долг я выполнил.

Глубоко уважающий Вас

Чигарин А.

Казань, 29

Студенческая ул., 16 кв. 63

Ал-р. Петр. Чигарин

Послано 10/III 64 г.»⁶

Некоторые детали «лагерной» жизни Чигарина вычитываются из рецензии: повесть автобиографична, Шаламов предлагает переделать ее в воспоминания. Сама рукопись, скорее всего, не сохранилась. Ее оставили в «архиве мемуаров» «Нового мира» (впоследствии эта часть фонда журнала, не переданная в РГАЛИ, была утрачена), что следует из ответа Чигарину редактора И. Борисовой:

«13 июля 1964 г.

Уважаемый товарищ Чигарин!

А. Т. Твардовский из-за крайней занятости не мог прочесть Вашу рукопись сам и передал ее в отдел прозы. Мы внимательно ее прочли и должны сказать Вам следующее: Ваша повесть относится к тем человеческим документам, ценность которых определяется главным образом не их литературными достоинствами. Здесь живое свидетельство об испытаниях, пережитых в известные годы, причем свидетельство сильного духом человека, которого эти испытания отнюдь не сломили.

Должны сказать Вам, что напечатать Вашу повесть в настоящее время мы не можем — мы загружены подобными рукописями (особенно после повести Солженицына, написанной на том же примерно материале, но обладающей выдающимися художественными достоинствами). Однако мы, редакция, не хотим просто отклонять эти рукописи. Мы сохраняем их (конечно, с согласия авторов) в нашем архиве мемуаров. Так или иначе, они представляют непреходящий исторический интерес.

Если Вы не возражаете, мы оставим у себя и Вашу рукопись. На большее сейчас, при отсутствии специальных изданий, рассчитывать, к сожалению, не приходится.

Простите, что долго не отвечали Вам.

Желаем всего доброго,

Старший редактор отдела прозы И. Борисова».⁷

Некоторую информацию о А. П. Чигарине можно восстановить по ряду источников и устных свидетельств.⁸ Тем не менее точных сведений о биографии автора, в частности о том, в каком именно лагере находился Чигарин, пока не выявлено.⁹

Александр Петрович Чигарин родился в Казани в 1894 году в семье Петра Ивановича Чигарина, предпринимателя, владельца ресторана Чигарина, знаменитого в Казани. Его мать, вероятно, была дочерью церковнослужителя села Аркатова. Сестра, Ольга Петровна, была первой женщиной, окончившей Казанский университет. В 1913 А. П. Чигарин поступил на терапевтическое отделение медицинского факультета Казанского университета,¹⁰ откуда вышел в 1917 году. Сведений о его жизни в период революции и гражданской войны не сохранилось. В библиотеке Казанской государственной медицинской академии хранится кандидатская диссертация

⁶ Письмо А. П. Чигарина в редакцию журнала «Новый мир». 10.03.1964 // РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. № 121. Л. 27–28.

⁷ Ответ редактора И. Борисовой А. П. Чигарину // Там же. Л. 29.

⁸ Мы благодарим Р. В. Царевского, сотрудника Музея истории старообрядчества г. Казани, родственника А. П. Чигарина, за сообщенные им сведения.

⁹ В рецензии имеется указание на то, что лагерь находился в 30 км от дома. Ближе всего к Казани находилось Свияжское лагерное отделение (Лагерное отделение при Свияжском заводе № 1 Главного управления лагерей железнодорожного строительства).

¹⁰ Список студентов, посторонних слушателей и учениц повивального института императорского Казанского университета 1914–1915 г. Казань, 1914. С. 425.

Чигарина на тему «О функциональном состоянии активной мезенхимы при токсикозах беременности», которую он защитил в 1939 году. А после, перед войной проходил обучение в Государственном институте для усовершенствования врачей им. В. И. Ленина (ГИДУВ) в Казани.¹¹ Медицинская специализация Чигарина — акушерство и гинекология, по-видимому, стала причиной его попадания в «женский» лагерь после ареста и суда.

Александр был не первым репрессированным в семье — его старший брат Леонид был арестован в 1921 году, осужден как политически неблагонадежный¹² и приговорен к заключению в концлагерь до особого распоряжения.

История ареста А. П. Чигарина известна по устным свидетельствам:¹³ в 1941 году он был начальником хирургического отделения Казанского полевого передвижного госпиталя № 257. С началом войны в госпиталь стало поступать много раненых, и Чигарин требовал от своих подчиненных жесткой дисциплины. Некоторые упрекали его в том, что он слишком требователен к порядку, «как немец». За фразу, что он готов быть кем угодно, лишь бы раненые не умирали, Чигарин был арестован и осужден военным трибуналом Казанского гарнизона по статье 58, п. 10 ч. 2. за «пораженческую, профашистскую агитацию, клевету на Красную армию, советскую власть, вождя народов» на десять лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества и поражение в правах на три года. Освободившись в 1951 году, он был вынужден еще два года жить у родственников на окраине Казани перед тем как смог вернуться домой и добиться реабилитации в 1957 году. В рассказе Шаламова «Необращенный» (1963) из цикла «Левый берег» описана судьба освобожденных заключенных, которой не избежал и Чигарин, и сам автор: «Бывшие заключенные, которым лагерь достался легко, — если кому-нибудь лагерь может быть легок, — считают самым трудным временем своей жизни после лагерного бесправия, послелагерные скитания, когда никак не удавалось обрести бытовую устойчивость — ту самую устойчивость, которая помогла им выжить в лагере».¹⁴

Александр Петрович Чигарин скончался в 1966 году, похоронен на Арском кладбище в Казани.

Рецензия на его рукопись «Всюду жизнь» имеет необычный для этого жанра объем — 11 страниц. Шаламов максимально подробно разбирает каждый заслуживающий внимания эпизод, доказывая достоверность истории, излагаемой Чигариным с точки зрения собственного опыта.

А. ЧИГАРИН «ВСЮДУ ЖИЗНЬ» — повесть¹⁵

А. Чигарин взял эпиграфом своей повести «Всюду жизнь» сюжет известной картины Ярошенко с тем же названием... «Всюду жизнь» — наблюдение, составляющее лейтмотив рассказа о десятилетнем заключении репрессированного врача Пескова — с 1941 по 1951 год. Повесть автобиографического характера и построена просто и вместе с тем искусно. Первая часть — арест, следствие и суд. Вторая часть — десять лет лагерной жизни. Третья часть — «хождение по мукам» после формального освобождения — до реабилитации.

Повесть имеет важные достоинства. Герой повести, пятидесятилетний врач Песков, выступает как вдумчивый и пытливый наблюдатель того «подземного мира», который вдруг открылся перед ним при столь трагических обстоятельствах. По повести видно: автор поставил себе целью рассказать обо всем, что он видел и понял, со всей добросовестностью историка, не позволяя себе легковесных домыслов и не пропуская ничего, что показалось его герою чересчур страшным. В большой повести в четырнадцать авторских листов нет ни одной страницы, которая была бы фальшива, не нужна,

¹¹ Ныне Казанская государственная медицинская академия.

¹² База данных «Жертвы политического террора в СССР». См.: <http://base.memo.ru/person/show/538704>; дата обращения: 30.04.2020.

¹³ Свидетельство Р. В. Царевского.

¹⁴ Шаламов В. Т. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. С. 272.

¹⁵ Текст печатается по авторизованной машинописи (РГАЛИ. Ф. 1702. Оп. 10. № 160. Л. 36–46) в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением индивидуальных особенностей написания. Описки и иные погрешности текста исправлены без оговорок.

незначительна. Повесть — важный документ времени. Написана повесть фрагментарно. Доктор Песков, а вместе с ним и автор (в повести этой не существует грани между рассказчиком и автором) отобрал для рассказа лишь самое важное, самое значительное из великого множества фактов, которые он десять лет наблюдал, над которыми много задумывался.

Доктор Песков большую часть своего срока проработал в женском лагере, более того с т. н. «мамками» (роженицами). Это обстоятельство облегчило судьбу самого заключенного, Пескова, несколько сузило его кругозор. В то же время доктор Песков стал свидетелем, и свидетелем очень надежным, жизни особой, видеть которую случается не каждому при знакомстве с бытом лагерей. Повесть эта особенно ценна своими картинами из жизни «мамок», поведением женщин в этот неизбежно драматический момент их жизни. Сцена с Вязовой, услышавшей крик своего увозимого «на этап» грудного ребенка и вырвавшей из рук «начальства» свое дитя — принадлежит к лучшим, наиболее волнующим страницам повести. Навсегда запомнится и начальник Бичевский, который казенным молоком отпаивал своего ребенка в то время, как грудные дети заключенных голодали. Отлично рассказано о Клаве — блатарке, которую коснулась и вернула в человеческое общество радость материнства.

Не менее выразительно изображена и блатарка Жанна, и сектантка Анна, и Аня Купринова, которая оставила такой теплый след в сердце доктора Пескова.

В повести много замечено верного — и в части общих суждений, и отдельных живых картин, подробностей лагерной жизни. Язык автора лаконичен и строг.

Вот несколько примеров, которые хотелось бы отметить «по ходу действия» повести.

Нескончаемые «гастрономические» разговоры арестантов — это общий психологический закон.

Весьма тонко и верно замечено (37 стр.), что в человеческое понятие, в его психологию, наряду с унижением личности входит «что-то» новое, узкое, ограниченное рамками заведенного на него «дела». Человеческой личности наносится здесь навечный, непоправимый, «необратимый» ущерб — это очень хорошо показано в повести.

Искусно, без малейшего нажима показаны допросы; следователь Измайлов, который равнодушно и терпеливо объясняет з/к Пескову его «новый статус з/к» (должен вставать, когда я встаю, должен называть «гражданин начальник» и как сам Измайлов привычно называет своего подследственного на «ты» и кричит на него. <так!>

На «вы» Пескова назовут через 10 лет — и внимательный врач не пропустит этого изменения «формулы».

Очень хорошо показано сонное состояние утомленного «выстойками» арестанта и расслабление его воли. Эффектны (стр. 47) пирожки с мясом, которые бежит покупать следователь, прервав допрос. Следователь возвращается, откровенно рыгая, и это тоже запомнил доктор навсегда. Вообще весь допрос показан правильно, психологическое состояние следственного изображено очень точно и, хотя это — не «подготовка» к «большим процессам» — это малосенное отнюдь не групповое дело волжского города вроде Казани — но все, как и всюду.

На 66 странице рассказано об ошеломительности расстрельного приговора, который получает сосед Пескова по камере. Здесь же доктор Песков говорит точно и умно о «легкомысленном» отношении следственных заключенных к собственным «приговорам» (стр. 74).

Отмечает автор и распространенное — в следственной тюрьме желание скорее попасть в лагерь — желание бессмысленное, иллюзорное, ибо лагерь гораздо страшнее тюрьмы.

Очень хорошо по своей психологической верности сцена, где соседи, укравшие хлеб и сало у товарища по камере, спят с ним вместе в обнимку, спасаясь от холода, и сам обокраденный обнимает своих «благодетелей» (77).

Грабеж во время «транзита» (86), который Песков видел в первый (но, увы, не в последний раз), неожиданное звучание улицы (81), больничная палата (81) после шести месяцев следствия — все это очень точно.

Поджаривание хлеба (93) голодными больными хорошо дано и правдиво — желание продлить удовольствие пищи. Скелеты больных, которые смотрит Песков (93), — фиксирует с врачебной добросовестностью.

Ужасна сцена свидания Пескова с женой (через полгода (!) после ареста) — двух стариков (102).

Очень хорошо по своей тонкости приглашение заключенных врачей на врачебную лагерную конференцию (137) и «секретный» конвой. (Участие в таких конференциях специалистов-врачей из з/к разрешалось Москвой). Сама конференция изображена правильно.

Очень хорошо и достоверно описана наивная «борьба» новичка врача Пескова с членовредительством блатарей (146). В/н врач <Швардовский?> очень правильно говорит новичку: «Лагерь — это особый мир, здесь много уродств во взаимоотношениях людей и в отношении к труду». Песков после этого разговора начал приглядываться к внутреннему миру лагеря, и у него возникло много недоумения и вопросов (146).

Песков скоро понял, что иногда «мастырка» спасает жизнь. Он подал начальству сведения о членовредительстве. Арестантов судили, дали им дополнительный срок, блатарям по три года, а «фраеру» Смолину — 58 <п.> 19 ст. (саботаж) и шесть лет с клеймом политического рецидивиста. Далее в повести следует искренняя фраза: «Песков чувствовал какую-то косвенную вину в судьбе этого юноши» (157).

Эти случаи, очевидно, научили Пескова не поступать и не судить поспешно и опрометчиво о том, чего он еще не понял.

Блестящий портрет в/н врача — шарлатана <Червяковского?> с его аутогемотерапией вместо мяса¹⁶ (96). Это практиковалось, увы, не только в Казани.

На нескольких страницах рассказано о смертности, о «раздетости», о «доходягах», хотя читатель все время помнит, что работа здесь не добыча золота, а заготовка дров для собственных нужд. Тем не менее люди умирали, болели.

Отличный рассказ на стр. 92 о вступлении кандидата наук, клинициста, врача Пескова в свою первую лагерную врачебную должность.

«В Румынии мы лечили таких больных — просто давали им хлеб и конину» (стр. 97).

Взаимоотношения врачей — все это показано исчерпывающе точно.

Смерть профессора <Метомского?> и все обстоятельства этой смерти — типичны (110).

113–115 — голодный врач Песков, умирающий от пеллагры.

Изображения доходяг правдивы и страшны — но результаты могут быть и гораздо страшнее.

Врач Менделов, нач. <САНО?>¹⁷

«Перед вами больные, о которых в университете вам лекций не читали» (107).

Избиение заключенных нарядчиком — все это в высшей степени правдиво.

«С наступлением весны смертность в лагере увеличилась» (111).

Неоспоримый факт лагерной жизни заключается в том, что наивысшую нравственную стойкость в условиях всяческого растрепания голода и «произвола» показывают религиозники: сектанты, православные священники и т. д. Наблюдательный доктор Песков не может этого не заметить. Он оставляет нам весьма привлекательный портрет Анны, пользующейся всеобщим уважением.

Переливание докторской крови (а то и просто раздача донорской крови «per os»¹⁸) — важная заслуга Пескова. Бывали лагеря, где начальство заставляло выливать такую кровь, а тех врачей, которые разрешали раздавать больным донорскую кровь и спасали больных — отдавали под суд. И суды осуждали, давали срок.

Выразительно описание типичной лагерной провокации, которая не миновала порядочного человека доктора Пескова (169). Карцер и начальник карцера Жуков описаны в высшей степени правдиво.

Поистине каждая страница повести — это одна из сторон жизни лагеря.

Врач женского лагеря, разумеется, не мог не рассказать о лагерной любви. Все описание (175–176) грустно, трагично, но все это — действительность, и честь и хвала доктору Пескову, что он смог запомнить, оценить и рассказать обо всем этом.

¹⁶ Аутогемотерапия — лечение кровью, подкожное или внутримышечное введение пациенту собственной венозной крови. Метод использовался для лечения различных заболеваний до появления антибиотиков.

¹⁷ САНО — санитарный отдел.

¹⁸ перорально (лат.)

Всякому запомнятся (или вспомнятся) танцы и бледные тусклые лица танцоров и вся эта мрачная и в то же время трогательная картина.

Уродство лагерной любви (182–183) — все достоверно, все так и было.

Великолепна лекция Пескова о вреде абортов, с цитатой из Эдмонда Ростана. Нужно было быть очень точным, чтобы не перешагнуть границы трагедии в изложении этой юмористической по существу ситуации из «Шантклера» <так!> с цитатой из Эдмонда Ростана, истолкованного Песковым в высшей степени произвольно, но тем лучше, тем правдивее (186).

Беременность в лагере. Тьма ужасная. Темень еще не бедствия. Песков не может пройти мимо этих печальных картин (158).

Аресты в лагере. Садист Агаманов (20) — вполне рядовая, типичная фигура лагерного начальства, карцер, другой садист Быков. Провокация с побоями и премиями — одна из миллионов подобных провокаций в те годы.

Очень реальна страница-картина обыска, которую делает Быков в карцере из-за украденного у него лично сала (213).

На 214 странице рассказано о хулиганстве — и это правомерно и необходимо — без этих картин понять лагерь нельзя.

Правдиво описано окончание войны, надежды, странная амнистия, которая никого, кроме уголовников, не касается (226–228).

Увольнение начальника — садиста Чернековского за самоснабжение.

Дети в лагере. Грудные дети. Тоже тема исключительной остроты, исключительной печали.

Выразительное кормление ребенка начальника Бичевского (236) одно чего стоит.

Кровавым анекдотом веет от приговора врача Блонской (237), получившей 8 лет за то, что увидела Сталина во сне. Увы, случай с Блонской — не единичный.

«Лагерь — это пробуждение после сна о Сталине» — выразительно говорит з/к Блонская.

Сердечно и тепло описана блатарка Клава, ее материнство, ее возвращение в семью людей, все доброе в ее жизни разбужено родами, материнством, ребенком. Эти подспудные душевные силы человеческого организма очень верно изображены доктором Песковым (241).

Начальник Драборенко очередной садист, заболел туберкулезом неизлечимо и удивительным образом незадолго до смерти превратился в человека.

На 252 странице изложена одна из лучших, самых трагических сцен — отправка детей. Трудно сказать, что лучше, что хуже — отправить ребенка или оставить здесь.

Оскорбления в адрес начальника Бычевского, ребенок которого пожирает все лагерное молоко, сражение Вязовой в лагере за своего ребенка — выигранное сражение. Здесь превосходная, полная глубокого смысла, многоговорящая сцена.

О женщинах з/к, о матерях доктор Песков рассказал много важного.

Правдиво и грустно говорится о лекции, которой заслушивались люди. Лекция кончилась, а с нею и иллюзия.

Так лаконично и точно записывает в свой «журнал» доктор Песков.

Страница о том, как поправился безнадежный больной Мюльц, до конца хранивший верность и интерес к книге (257).

Столь же лаконично записывается на 263 стр.: <так!>

Хоронили в гробах.

И Песков вспоминает лазарет, где он был в начале заключения (265).

«В лазарете за пайкой хлеба агонизирующего могла протянуться рука вора-рецидивиста и рука профессора».

Все в этой повести верно. Цитаты из Сталина висели на всех лагерных воротах. Очевидно, это были «централизованные» лозунги.

Чего стоит и такая запись: «Заключенных с тяжелыми статьями и большими сроками отправили в далекий этап» (283).

Тяжелые статьи — это 58 статья (все пункты, кроме 10, по которому и был осужден Песков), по которой маленьких сроков не давали. Практически это была изоляция на смерть всей 58 статьи.

О впечатлении, произведенном заявлением Вышинского на Генеральной ассамблее, рассказывают воры (295). Именно так и реагировал з/к на это газетное сообщение.

Третья часть, хоть и меньше других по объему, не менее интересна. Содержание ее составляют тщетные попытки освобожденного из заключения кандидата наук доктора Пескова устроиться на работу. Все описанное в этой части правдиво столь же, как все, что есть в повести А. Чигарина.

Переписка с ВАК — это быт того времени.

Повесть «Всюду жизнь» — это правдивый рассказ о «подземном мире», своего рода «история болезни», заполненная рукой вдумчивого врача.

В повести очень хорошо обрисован и ее герой — рассказчик. Доктор Песков из тех людей, для которых арест открыл неожиданную страшную сторону жизни, о которой раньше он не думал или не хотел думать. Это показано очень правдиво. Вместе с Песковым эти люди думали, что лагеря — это порождение войны, тогда как в действительности время войны в лагерях — самое легкое время. Ни режим, ни быт не идет ни в какое сравнение с тем, что было ДО войны или ПОСЛЕ войны. Притом «военным временем» легче маскировался произвол. Следует отметить и то, что лагерь из повести «Всюду жизнь» — это лагерь «легкий», один из самых благополучных — общие работы здесь: заготовка лозы, режим здесь слабый, лагерь расположен на Волге, в тридцати километрах друг от друга, родные ездят на свидание. Наконец — это лагерь женский, где «нагрузки» гораздо меньше, чем у мужчин. И сам доктор Песков с исключительно «счастливой» судьбой. Он ни одного дня не работал «на общих работах» — все десять лет по специальности. Все это, конечно, и сам доктор Песков понимает отлично.

Единственный просчет повести — это суждения доктора Пескова о блатарях, о «преступном мире». Это просчет невольный. Доктор Песков мало имел дела с блатарями, знает их только из рассказов (хотя бы и самих блатарей). Этот серьезный вопрос не понят героем повести. Суждения доктора Пескова о ворах-рецидивистах наивны и не поднимаются выше уровня «Старого знакомого» или «Аристократов» Погодина, где блатной мир изображен слишком легкомысленно. Сцена с возвращением очков наивна. Святость «тюремной пайки» — легенда, блатарская легенда. Но эти незначительные просчеты — пустяки по сравнению с большим достоинством повести.

Повесть очень правдива. В ней нет ни одной ложной нотки, ни одной натяжки. Переживания доктора Пескова, его душевные и физические страдания, его сомнения, надежды и наблюдения изображены с полнотой правды, без недомолвок и без сглаживания острых углов. Главное достоинство повести именно в том, что «Всюду жизнь» — как бы свидетельское показание, данное со всей ответственностью человеком, хорошим и неглупым, безвинным мучеником доктором Песковым — одной из бесчисленного множества жертв сталинского времени.

Я горячо рекомендую эту повесть журналу.

Возможно, что «Всюду жизнь» следует превратить в мемуары. Расстояние между рассказчиком и автором невелико, и сделать такую переделку будет нетрудно.

В письме, которое сопровождает рукопись, автор пишет: «Я выполнил свой гражданский долг». Да, тов. Чигарин выполнил свой гражданский долг. Долг журнала — напечатать эту правдивую повесть.

В. Шаламов

Москва, А-284, Хорошевское шоссе, 10, кв. 2.

Чигарин и Шаламов не были знакомы, но их связывает и сам лагерный опыт (хотя Чигарин не был на Колыме, а находился в «легком», по мнению Шаламова, лагере), и совпадающее восприятие жизни заключенных. Сопоставляя рассуждения Шаламова в рецензии на повесть «Всюду жизнь» с «Колымскими рассказами», можно обнаружить одинаковые сюжеты и наблюдения, схожие оценки лагерной действительности и ситуаций, в которых оказываются герои повести Чигарина и рассказов Шаламова.

Двух писателей объединяет также интерес к медицине. Чигарин — врач, кандидат наук. Шаламов прошел фельдшерские курсы, работал в лагерной больнице, что спасло ему жизнь. Медицинские сюжеты присутствуют в нескольких рассказах колымского цикла. Из поздних записей Шаламова известно, что он интересовался ме-

дициной и после лагеря: читал учебники, следил за открытиями в области трансплантологии, в 1957 году написал очерк «В одной лаборатории» о трансплантологе В. П. Демихове. Автор ряда статей о Шаламове, врач М. В. Головизнин, указывает на особое значение медицины в прозе Шаламова: «Исследователи творчества врачей-писателей отмечают, что медицинские „стигматы“ — использование специальных терминов и понятий для аллегорического описания явлений, событий или характеров, присутствуют в сюжетах, если даже автор — медик по образованию, позже ни дня не работал по специальности. Творчество Шаламова подтверждает данное мнение. Среди многочисленных аллегорий его прозы „медицинские метафоры“ во всем их разнообразии занимают центральное место. С их помощью Шаламов описывал реалии лагерного быта».¹⁹

Заглавие повести А. Чигарина — название картины Н. А. Ярошенко «Всюду жизнь» (1888). Выбор сюжета не случаен: в центре картины женщина с ребенком в арестантском вагоне, Богоматерь, склонившаяся над младенцем, на тюремном этапе. Главный герой повести — доктор Песков отбывает часть срока в женском лагере. В рецензии Шаламов подчеркивает особую ценность изображения лагерного быта «мамок», описания поведения женщин в этот катастрофический момент их жизни. Тема женщины в лагере не является главной у Шаламова, но занимает значительное место в его рассказах. Он находил положение женщины в лагере еще более ужасающим, чем положение мужчины. В системе лагерного рабства женщина была рабой рабов. В рассказе «Необращенный» (1963) Шаламов описал единственный для женщины (кроме смерти) путь выхода из лагерного ада: «— Мужиков водить сюда — трудное дело, — говорила Шура, с грохотом зашвыривая вымытые миски в шкаф. — Но я уж, слава богу, на пятом месяце. Скоро отправят в „Эль-ген“ — освободят! Мамок освобождают каждый год: один у нашего брата шанс.

— Пятьдесят восьмую не освобождают.

— У меня десятый пункт. Десятый пункт освобождают. Не троцкисты. Катюшка тут в прошлом году на моем месте работала. Ее мужик, Федя, сейчас со мной живет.

— Катюшку освободили с ребенком, приходила прощаться. Федя говорит: „Помни, я тебя освободил. Это уж не по сроку, не по амнистии, не по зеленому прокурору, а собственным способом, самым надежным...“ И верно — освободил. Кажется, и меня освободил...

Шура доверительно показала на свой живот».²⁰

В рецензии Шаламов упоминает «уродство лагерной любви», достоверно изображенное Чигариным. Сам он неоднократно обращался к этой теме. В рассказе «Уроки любви» (1963) из цикла «Перчатка, или КР-2» блатарь Любков замораживает лагерную пайку хлеба, которая является платой голодной женщине: «Везло мне на баб, грех сказать, везло. Там, где я до Колымы был, — лагерь женский, а мы — плотники при лагере, нарядчику брюки почти новые, серые отдал, чтоб туда попасть. Там такса была, пайка хлеба, шестисотка, и уговор — пока лежим, пайку эту она должна съесть. А что не съест — я имею право забрать назад. Давно они уж так промышляют — не нами начато. Ну, я похитрей их. Зима. Я утром встаю, выхожу из барака — пайку в снег. Заморожу и несу ей — пусть грызет замороженную — много не угрызет. Вот выгодно жили... Может ли придумать такое человек?»²¹

В рассказе «Прокаженные» (1963) уродство достигает максимальной концентрации в описании страшных голых тел пьяной пары прокаженных, укрывавшихся в норе под полом. Необратимый распад личности, как и необратимый распад тела у больных лепрой, исключает любую возвышенность любви между людьми, находящимися в условиях бесконечного насилия, голода и тяжелого физического труда, в мире, в котором уродливо все. Как следует из рецензии Шаламова, необратимый, навечный

¹⁹ Головизнин М. Медицина в жизни и творчестве Варлама Шаламова // «Закон сопротивления распаду»: Особенности прозы и поэзии Варлама Шаламова и их восприятие в начале XXI века. Сб. науч. тр. / Сост. Л. Бабка, С. Соловьев, В. Есипов, Ян Махонин. Прага; М., 2017. С. 199–225.

²⁰ Шаламов В. Т. Собр. соч. Т. 1. С. 276.

²¹ Там же. Т. 2. С. 404.

ущерб человеческой личности отмечает и герой повести «Всюду жизнь» доктор Песков.

Единственные обитатели лагеря, которым удается противостоять распаду, — «религиозники» или сектанты, это отмечают и Шаламов, и Чигарин. Шаламов — сын священника, хорошо знакомый с историей религии, отмечает эту особенность и в письме к Солженицыну по поводу «Одного дня Ивана Денисовича»: «...если в лагере и были люди, которые несмотря на все ужасы, голод, побои и холод, непосильную работу сохранили и сохраняли неизменно человеческие черты — это сектанты и вообще религиозники, включая и православных попов».²² Чигарин был тесно связан со старообрядческой средой, его сестра Ольга Петровна была замужем за сыном старообрядческого священника Петра Залетова. Старообрядцы имели большое значение для Казани — строили школы, больницы, благотворительные учреждения. После освобождения из лагеря Чигарин жил у родственников своей сестры — в известной до революции старообрядческой семье Фоминых. Именно поэтому он хорошо знал и понимал силу религиозного сопротивления насилию лагеря.

Еще одним общим мотивом «Колымских рассказов» и повести Чигарина являются «нескончаемые гастрономические разговоры» постоянно голодающих заключенных. Шаламов называет это психологическим законом. Герой его рассказа «Тайга золотая» (1961) с упоением рассказывает о невероятных китайских пельменях размером с ладонь, герой рассказа «Сгущенное молоко» (1956) задыхается от счастья при мысли о молочных консервах: «Вот и хорошо, хорошо. Обязательно подкормишься. Я принесу тебе... консервов. У нас ведь можно... Есть много консервов на свете — мясных, рыбных, фруктовых, овощных... Но прекрасней всех — молочные, сгущенное молоко. Конечно, их не надо пить с кипятком. Их надо есть ложкой, или мазать на хлеб, или глотать понемножку, из банки, медленно есть, глядя, как желтеет светлая жидкая масса, как налипают на банку сахарные звездочки... Завтра, — сказал я, задыхаясь от счастья, — молочных...».²³

Чигарин, по мнению Варлама Шаламова, — вдумчивый и пытливый наблюдатель «подземного» мира, сумевший отметить и описать самое важное, что он пережил в лагере. Шаламов цитирует строку из повести «Всюду жизнь»: «Лагерь — это особый мир, здесь много уродств во взаимоотношениях людей и в отношении к труду». Сам он считал точно так же, описывая и уродство лагерной любви, и садизм начальников и конвойных. В повести «Всюду жизнь» встречаются такие персонажи, как Агаманов и Быков, садисты — типичные представители лагерного начальства. В рассказе Шаламова «Ягоды» (1959) такие же садисты — конвоиры Фадеев и Серошاپка избивают обессиленного голодающего заключенного, упавшего под тяжестью бревна. Он говорит им: «Подумай о том, как ты будешь рассказывать своей невесте, что ты делал на Колыме»,²⁴ но при этом доведен до такого состояния, что не испытывает никаких эмоций по поводу насилия и угроз конвойных застрелить его — его жизнь страшнее смерти. В рассказе «Сухим пайком» (1959) Шаламов описывает это состояние так: «Мы понимали, что смерть несколько не хуже, чем жизнь, и не боялись ни той ни другой».²⁵ В рассказе «Мой процесс» (1960) конвойные «долго и старательно» избивают заключенного из-за того, что он не может идти быстро, а они хотят успеть в кино.

В настоящий момент ни рукопись, ни черновики повести Чигарина «Всюду жизнь» не найдены. По сохранившейся рецензии можно судить о том, что это материал высокой исторической значимости. Художественная ценность утраченной повести, поставленная под сомнение редакцией журнала, подтверждается отзывом Варлама Шаламова, который предъявлял крайне высокие требования к прозе о трагедии ГУЛАГа, ее достоверности.

²² Там же. Т. 6. С. 279.

²³ Там же. Т. 1. С. 110.

²⁴ Там же. С. 94.

²⁵ Там же. С. 76.